

Тайна бабушки Степаниды

Бабушка Степанида была в деревне, как теперь бы сказали, штучным экземпляром, хотя внешне почти ничем не отличалась от своих сельских товарок: русая, среднего роста, с острым небольшим носиком. Зато в энергии, в темпераменте у бабушки не было соперников.

Минуты не могла спокойно на месте усидеть. А как она ходила! Смотришь со стороны – летит человек! Едва носками босых ног земли касается! Не зря в деревне звали нашу героиню – Бабушка Стеша Скороход Безпяточный.

Впрочем, быстроту демонстрировала Степанида чаще все же не в бесцельной пустой беготне. Бабушка считалась в деревне едва ли не единственной мастеровитой портнихой. Шила она платья и сарафаны, юбки и кофты, верхнюю одежду – всевозможные саки, москвички, телогрейки. Не отказывалась и обувь по заказу сварганить. Особенно получались у нее украинские бурки – стёганные сапоги на вате.

Шила бабушка в основном по ночам, потому как до глубокой старости старалась не отлынивать от нарядов по колхозу. Спала часа полтора-два в сутки. Причем усталости никогда не показывала. Всегда была бодра и жизнелюбива.

Между прочим, дар портняжно-скорняжного ремесла открылся в Степаниде совершенно неожиданно, при довольно трагических обстоятельствах.

Это случилось, когда Стешке было лет двадцать-двадцать два. Легла поздно вечером она после тяжкой колхозной каторги в кровать, а утром не встала. Что только не предпринимали близкие, соседи, чтобы разбудить её! И воду из кувшина в лицо плескали. И в заслонку барабанили перед ухом. Ничего не добились. Глядя на мертвенно-бледное лицо, бездыханное тело, кто-то изрёк витавшую в воздухе догадку:

– Да она померла!

И все же родители не спешили с похоронами. Стариков смущало то, что девка не остывает, лежит как живая.

Послали на всякий случай за сельской фельдшерницей Никитичной. Совсем еще юная докторша с копной рыжих волос на голове степенно достала из чемодана с красным крестом круглое зеркальце, поднесла его к полукрытому рту пациентки. Даже не взглянув на зеркало, тут же провела извлеченной из подушки пушинкой около носа.

– Про похороны забудьте, – оgoroшила столпившийся у кровати народ медичка. – Она не мертвая. Просто впала в летаргический сон.

– И что теперь делать? – всплеснула руками мать Степаниды.

– Ждать.

– Долго ждать?

– Сколько – не знаю. Может быть, неделю, может быть, месяц, а может, и год...

Стеша пришла в себя на четвертый день. Поднялась с койки и сразу принялась искать цыганскую иголку, словно вспомнив вдруг про незаконченное рукоделие.

– Зачем тебе иголка? – удивилась мамаша: и в семье, и среди родственников никто никакими ремеслами сроду не занимался.

– Я, мамка, шить буду, я теперь всё умею, – радостно отозвалась Стешка, ещё сильнее шокировав родительницу. «Никак повредилаась девка мозгами», – подумала мать.

С «мозгами у девки» оказалось всё в порядке, что уже совсем скоро показало первое вышедшее из-под её рук добротное изделие.

Правда, на Степаниду смотрели отныне всё равно как на блаженную, не от мира сего.

Чтобы проверить лишний раз умственное здоровье молодницы, частенько спрашивали у неё про «тот свет».

– Я там ничего не видела, – честно отвечала любопытным девка. – Разве что женщину в чёрном, которая толкнула меня в спину: дескать, иди домой. И прошептала вслед три слова.

– И что же это были за слова? – не унимались досужие.

– Секрет, тайна. Если я вам их доверю, меня завтра здесь не будет. Только перед смертью самым кровным имею право открыться...

Пробовал за Стешку посвататься один хлопец из соседнего села Сопыч, она отказала: «Мне замуж выходить нельзя». И опять без объяснений, загадочно и таинственно...

Бабка Степанида прожила без малого сто лет. К тому времени из родни у неё не осталось никого. Так что свою тайну она унесла с собой в могилу...

Аномалия за околицей

Это теперь дают имена известных людей улицам, площадям и переулкам даже в сельской глубинке... Раньше всё было проще...

Из полузабытого детства помнятся названия Рогатки, Кривой проулок, Околоток, Керосинка, Заречка, Дегтярка... И это не все... Их было больше... Для того чтобы ориентироваться на местности, люди присваивали простые, но точные обозначения тому или иному отрезку пространства.

Любой пригорок, любой ручей, уголок луга имел свое название.

Причем, не просто взятое «из головы», а выражающее суть предмета.

В окрестности моего родного поселка Варванцев довольно странное название – Дуры – носили лес и прилегающее к нему поле. Только недавно я уяснил, что это означает. Оказывается, в стародавние времена в некоторых областях России так именовались места дремучие, глухие, дикие и непременно связанные с нечистой силой. В детстве мне не раз приходилось бывать в Дурах с родителями, точнее, с матерью, когда наступала пора копки колхозного картофеля. До сих пор не забыть костер из сухой ботвы, горький запах дыма, непередаваемый вкус печеных клубней с хрустящей на зубах обуглившейся, испачканной золой корочкой...

А еще в памяти – тоскливая тишина, волнообразно исходящая из лесной чащобы.

В бору было море грибов, особенно опят, тоже совершенно необычных – с толстой, как у боровиков, ножкой, и темно-коричневой, почти черной шляпкой. Правда, видеть их мало кому доводилось. Даже взрослые не отваживались ступить в это мрачное царство, в нашем мальчишеском представлении – обитель самой Бабы-яги...

Не могу не сказать и еще вот о чем. Сельские ребяташки летом тогда охотно помогали старшим, особенно в перепашке картофельных рядков. Восседая верхом на лошади, понукая коняку вожжами и пятками ног, побуждали ее идти вперед, в то время как отец или старший

брат нажимали на плуг... Однажды савраска, до того несколько дней безропотно подчинявшаяся моей воле, неожиданно взбрыкнув, шарахнула из борозды... Я упал, сильно ударившись боком... Всё желание «рулить» пропало надолго... Что стало причиной каприза животного, неизвестно.

А то еще был случай, также необъяснимый и загадочный. Соседский мальчик Федор, которого мать взяла с собой в Дуры, набегавшись, вздремнул под кустом на лесной опушке. Когда родительница разыскала пацана, то не смогла скрыть удивления. Лицо и всё тело у него были покрыты волдырями. С очень высокой температурой мальчика отправили в районную больницу, но спасти его там не сумели.

«Чемер», – так заключили деревенские знатоки. Любые неизвестные медицине хвори списывали тогда на чемер...

Другим аномальным местом было урочище Заклятое. Оно находилось буквально за околицей поселка и тоже имело нехорошую славу, считалось токовищем окрестных ведьм. Не зря любила туда ходить бабка Сапожиха, которой молва приписывала знахарские, колдовские способности.

Часто брала Сапожиха с собой и нас, деревенскую пацанву. С опаской, но мы шли за ней, боясь разозлить, обидеть ведьму. Попробуй! Потом греха не оберешься! Сапожиха разжигала костер, нанизывала над ним на прутиках тесно, впритык сыроежки и через минуту-другую потчевала полусырыми грибами окруживших её ребятешек.

Потом бабка собирала в лукошко грибы для дома – в Заклятом росли в изобилии белые грузди. Да, стоит описать и само урочище. Представьте себе осинник, состоящий из толстых, высотой до тридцати пяти метров, деревьев, расположенный на двух-трех десятках гектаров. Если кому не приходилось видеть осинки, то выглядят они так: кора – зеленоватого цвета, листья – серо-зеленые, округлые, ромбические, по краю с неровными зубцами. За счет того, что черешки сильно сплющены с боков, листовые пластинки колыхнутся даже в безветренную погоду, издавая характерный звук, похожий на детское лепетание.

Примерно в конце пятидесятых урочище разрезала почти пополам построенная в довольно короткие сроки автострада Москва – Киев. Бетонка внесла некоторое изменение в здешний дремучий пейзаж и, что самое главное, – несколько разрядила гнетущую атмосферу этого места. Впрочем, изменить её полностью трассе оказалось не под силу. В Заклятом постоянно подстерегало что-то непонятное и неприятное. То в виде какой-нибудь экзотической или уродливой птицы, то в виде клубка змей... А мы со старшей сестрой наткнулись однажды на спящего в канаве человека-ископаемое, в зеленоватых обрывках одежды. Почему ископаемое? Очень уж незнакомец был необычен. В испуге мы не успели рассмотреть получше внешность мужчины. Сознание зафиксировало лишь рваную грязную одежду и такую же грязную пилотку на нем. Казалось, существо, похожее на человека, только что вылезло откуда-то из подземелья...

«Немец! – решили мы, – прячется со времен войны». Переубедить нас никто не смог, да и не пытался...

Как-то с двоюродными сестрами Веркой и Людкой я пошел в урочище за опятами. Достаточно быстро мы наполнили корзины грибами и, перед тем как уйти домой, решили полакомиться лесными грушами. Передвигаясь от дерева к дереву, незаметно вышли на бетонку. Мимо туда-сюда с шумом проносились автомашины, а я ловил себя на мысли, что не знаю, в какой стороне находится наш поселок. Так продолжалось минут десять. Не сразу, но сознание, наконец, включилось.

– Что это было? – спросили у меня в один голос девчата, тоже недолго пребывавшие, как выяснилось, в гипнотическом сне.

– Если бы знать!.. – честно признался я.

Мы вернулись в лес. Осины, словно насмехаясь над нами, лепетали вверху что-то дразняще-вызывающее. Быстрее отсюда, быстрее! Не хватало еще встретить тут сумерки... А вот

и знакомая тропинка, ведущая к дому! Господи, только бы она привела куда надо! Ведь не напрасно говорили в поселке: миновал Заклятое, еще не значит, что не попадешь в Дуры... А что хуже, один Бог ведает...

Лекарство от ревности

Жена ревновала Павла по поводу и без повода. Дошло до того, что он должен был держать отчет перед нею едва ли не за каждый свой шаг. В общем, достала мужика баба...

В тот вечер задержался на работе – в клубе заканчивали подготовку к очередному концерту художественной самодеятельности, не мог же директор не присутствовать на генеральной репетиции. Слушал выступающих, а сам мысленно представлял, как супруга закатит ему дома скандал. Но то, что случилось, вообще не укладывалось ни в какие рамки... Благоверная буквально перед носом захлопнула перед ним дверь. Попытался убедить ее не делать глупостей, пустить в дом по-хорошему, но не тут-то было! И тогда Павел, что называется, вскипел... Отступив от входа на три шага назад, он со всего размаха ударил в дверь ногой. Хлипкий запор не выдержал, путь в жилище оказался свободным... Павел не помнит, как он схватил дражайшую за косу, толкнул ее к лавке и, выхватив из-под ног топор, прорычал:

– Сейчас отрублю тебе голову!

Кто знает, что случилось бы дальше, если бы женщина не вырвалась. Вполне возможно, Павел исполнил бы свою угрозу – так он был зол тогда на жену...

В то время автобусы еще ходили регулярно во все концы. Супруга нашего героя, в чем была, не переодеваясь, побежала на автостанцию и ближайшим рейсом отправилась в соседний город к родителям мужа жаловаться.

– Хотел отрубить голову? – выслушав невестку, переспросил с серьезным видом отец Павла.

– Да, даже голову мою на лавку положил, – подтвердила невестка.

Старик, умудренный опытом, ответил не сразу:

– Знаешь, дочка, ты родилась в рубашке, тебе повезло, – после паузы сказал он. – У нас в роду все такие... цыганских, что ли, кровей... Я свою первую жену погубил ни за что ни про что. Павлов двоюродный тоже супругу порешил... за непослушание... Короче, твоему мужу есть с кого брать пример...

Отец, конечно, лукавил, но он говорил так спокойно и убедительно, что женщине, приехавшей искать управу на мужа, оставалось лишь поверить сказанному и навсегда извлечь уроки из случившегося.

С тех пор она больше Павла не ревновала...

